

КИТАЙ: ОБРЕТЕНИЕ ФИНАНСОВОЙ ВЛАСТИ

МАКСИМ ПЕТРОВ

АННА ПИЛИПОСЯН

ВАСИЛИЙ ТКАЧЁВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье на основе разрабатываемых в международной политэкономии подходов исследуются процессы становления финансовой власти Китая. Обретение такого вида власти, которая позволяла бы влиять на поведение других государств через систему финансовых взаимосвязей с ними, выступает важным фактором утверждения КНР в статусе сверхдержавы. Базовые предпосылки для формирования финансовой власти Китая к настоящему моменту сложились: страна обладает крупнейшей в мире экономикой и третьим по величине после США и еврозоны финансовым рынком, развитыми внешнеполитическими связями и значительной военной мощью. Огромный экономический потенциал даёт возможность Китаю активно наращивать зарубежные капиталовложения, а также инициировать создание новых многонациональных банков развития. За счёт этого КНР постепенно выстраивает каналы и механизмы влияния в мировой финансовой системе, хотя пока и не выходит на лидирующие позиции в ней. Трансформация Китая в мощный полюс силы в мировых финансах требует ускорения интернационализации юаня, транснационализации бизнеса китайских банков, а также превращения КНР в глобальный финансовый центр, способный предложить международным инвесторам широкие возможности по размещению и привлечению капитала, сопоставимые с теми, которые обеспечивают США. В свою очередь, достижение этих целей практически невозможно без проведения масштабной либерализации международных валютно-финансовых отношений КНР, включая введение свободной конвертируемости юаня. Власти Китая сегодня заявляют о готовности к подобным преобразованиям, подтверждая её отменой ряда важных ограничений. Вместе с тем повышение открытости китайского финансового рынка способно усилить его уязвимость к неблагоприятным внешним воздействиям, источником которых могут стать, в частности, США, незаинтересованные в возвышении Китая в мировых финансах. Учитывая это, власти КНР, вероятно, будут осмотрительно проводить либерализацию, притормаживая её по мере возникновения угроз внутренней стабильности. В этой связи в статье обосновывается предположение, что укрепление влияния Китая в мировых финансах станет длительным, неравномерным и противоречивым процессом, который может сопровождаться кризисными явлениями, провоцируемыми обострением борьбы с США за доминирование в финансовой сфере и за глобальное лидерство в целом.

Ключевые слова:

Китай; финансовая власть; международная политэкономия; мировая финансовая система; международное движение капитала; интернационализация юаня, международные валютно-финансовые отношения.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.06.2019

Дата принятия к публикации: 13.08.2019

Для связи с авторами / *Corresponding author*:

Email: tkachev_mgimo@mail.ru

Начало XXI в. стало временем стремительного возвышения Китая, активно утверждающего себя в качестве новой державы, претендующей на глобальное лидерство [Лексютин 2018а: 70–71]. Главным фактором укрепления международного влияния КНР выступает постоянно увеличивающаяся экономическая мощь страны, позволяющая ей последовательно наращивать свой вес на мировой арене. Вместе с тем остаётся ряд значимых сфер международных отношений, в которых позиции Пекина пока ещё не столь сильны [Мас-стандуно 2018: 150–151]. Одна из них – мировые финансы, в которых традиционно доминируют ведущие развитые страны, в первую очередь США. Китай, хотя и сумел в последние годы многократно нарастить размеры внутреннего финансового рынка и стать крупным участником трансграничного движения капитала, всё ещё уступает им по масштабам использования своей валюты в международном обороте, уровню активности национальных банков на глобальных рынках капитала и некоторым другим ключевым показателям, характеризующим роль государств в мировой финансовой системе (МФС). В результате сегодня сохраняется заметный дисбаланс между экономическим весом КНР и её местом в международных валютно-финансовых отношениях [Ноздрёв 2016: 29; Пилипосян, Ткачёв 2019].

Оценке современной роли и перспектив Китая в МФС посвящено множество публикаций. Приоритетное внимание в них уделяется вопросам о том, сможет ли Китай занять соответствующее его статусу экономической сверхдержавы ведущее положение в мировых финансах и как это способно отразиться на их развитии. В настоящей статье указанные вопросы, имеющие принципиальное значение для прогнозирования будущего МФС, предлагается рассмо-

треть с позиций концепции финансовой власти (financial power)¹ – относительно нового теоретического подхода, разрабатываемого в русле международной политической экономии², что расширит возможности комплексного анализа данного феномена международных отношений.

Объектом изучения в рамках концепции финансовой власти наиболее часто выступают США, длительное время занимающие центральное положение в МФС. Китай в настоящее время привлекает внимание исследователей, о чём свидетельствует рост научных публикаций, посвящённых процессам становления его влияния в финансовой сфере: [Chin 2014; Cohen 2014; Dian 2016; Foot, Walter 2010; Heep 2014; Helleiner, Kirshner 2014; O'Neill 2018; Shambaugh 2013; Vermeiren, Otero-Iglesias 2015]. В данных работах представлены различные оценки современного состояния и перспектив финансовой власти КНР – от оптимистических, предрекающих Китаю роль нового гегемона в мировых финансах, до весьма скептических.

1

Финансовая власть в международной политэкономии обычно определяется как *способность страны влиять на поведение других государств через систему финансовых взаимосвязей с ними* [Andrews 2006: 8]. Обладание ею позволяет получать значительные экономические и политические выгоды путём воздействия на принимаемые решения не только зарубежных органов государственной власти, но и иностранных компаний, финансовых институтов, граждан, направляя их поведение в нужную для себя сторону. Вашингтону, например, доминирование в мировых финансах даёт уникальные преференции, главная из которых, по мнению ряда исследователей, – возможность привлече-

¹ В литературе в качестве синонима также используется понятие «монетарная (или денежная) власть» (monetary power).

² О предмете и методе современной международной политэкономии, которая строится на совместном использовании методологии и понятийного аппарата политологии и экономической науки см.: [Олейнов 2017]. Концепция «финансовой власти» разрабатывается в работах многих авторов, например: [Cohen 2006, 2015; Helleiner 2006, 2014; Kirshner 1995; Vermeiren 2014].

ния крупных иностранных инвестиций для покрытия хронического дефицита платёжного баланса на протяжении многих десятилетий [Cohen 2015; Vermeiren 2014]. Данное положение обеспечивается значительным влиянием, которое Соединённые Штаты способны оказывать на участников мирового рынка капиталов, что позволяет им в течение длительного времени активно потреблять производимую остальным миром продукцию, расплачиваясь за неё увеличением своих обязательств [Петров и др. 2019].

Наряду с возможностью воздействовать на других понятие финансовой власти содержит и второе значение – *способность противостоять влиянию извне и действовать независимо от контрагентов* [Cohen 2015: 29–31]. Если первое определение делает акцент на внешних эффектах обладания ею («власть как влияние на кого-то»), то второе – на внутренних её проявлениях («власть как способность делать что-то»). Для понимания характера финансовой власти КНР важен анализ обоих этих аспектов – как возможности воздействовать на других, так и устойчивости к внешнему давлению, особенно со стороны США.

Финансовая власть государства проявляется в его внешней политике и характеризуется рядом структурных элементов: источниками (факторами возникновения), механизмами реализации, проявлениями (преимуществами, которые она даёт) и, наконец, пределами её применения. По своей природе это сложное системное явление, отличающееся взаимосвязанностью и взаимообусловленностью элементов, закономерностями её генезиса и утраты. Масштабы финансовой власти отражают положение государства в МФС: чем большее воздействие на участников международных валютно-финансовых отношений способна оказывать страна, тем прочнее её позиции в мировых финансах. Изучение финансовой власти государства позволяет составить целостное представление о его роли в глобальной финансовой системе, в том числе об источниках, механизмах и перспективах сохранения позиций в ней.

Исследование финансовой власти Китая следует начать с оценки её источников, то есть с факторов, составляющих основу влияния этой страны в финансовой сфере. Согласно распространённому подходу, коренящемуся в концепции политического реализма, мощь государств в международных отношениях опирается на имеющиеся у них осязаемые ресурсы. Характеризуя данный вид власти, Б. Коэн в числе наиболее важных её оснований выделяет высокий уровень развития экономики, финансового рынка и внешнеполитических связей [Cohen 2015: 121]. Главным источником растущего влияния Китая в мире, в том числе в международных финансах, выступают огромные масштабы его экономики и внешнеторговых связей: начиная с 2013 г. КНР стала крупнейшим экспортёром товаров и услуг, а с 2014 года – первой экономикой мира по размеру реального ВВП, рассчитанного по паритету покупательной способности. Развитие экономики и экспорта увеличивает финансовое богатство страны, позволяя ей активно наращивать ёмкость национального рынка капиталов, инвестиции в зарубежные активы и официальные резервы.

Ключевое значение для генезиса финансовой власти Китая имеет вывоз капитала, расширяющий возможности его воздействия на страны-получатели инвестиций. Общий объём экспорта капитала из КНР в форме прямых (ПИИ), портфельных и прочих инвестиций, а также путём размещения резервных активов за последние 10 лет (2009–2018 годы) составил 4,3 трлн долларов. По этому показателю Китай вышел на 2-е место в мире после США. Величина внешних финансовых активов КНР за указанный период выросла в 2,1 раза и достигла к концу 2018 г. 7,3 трлн долларов. В их структуре 43% (3,2 трлн долларов) приходилось на официальные резервы, по размеру которых Китай намного превосходит другие страны, ещё 26% – на прямые зарубежные инвестиции. КНР входит в число ведущих нетто-кредиторов остального мира, уступая по размеру чистой инвестиционной

Таблица 1
География международных инвестиций КНР в 2005–2018 годах

Регион/страна	Инвестиции, млрд долл.*	Доля, %
Весь мир	1 942	100
Европа	385	19,8
Африка южнее Сахары	300	15,4
Западная Азия	275	14,2
Россия	47	2,4
Восточная Азия	266	13,7
Северная Америка	252	13,0
США	182	9,4
Арабский Восток и Северная Африка	182	9,4
Южная Америка	169	8,7
Австралия	112	5,8

* Прямые иностранные инвестиции и строительные контракты.

Источник: *The American Enterprise Institute. China Global Investment Tracker*. URL: <http://www.aei.org/china-global-investment-tracker> (дата обращения 26.05.2019).

позиции (2,1 трлн долларов в 2018 году) только Японии и Германии³.

В настоящее время Китай выступает крупнейшим иностранным держателем казначейских обязательств США. В январе 2019 г. вложения в них составили 1,13 трлн долларов, или 18% общего объёма госбумаг, принадлежащих нерезидентам⁴. Благодаря наличию такого пакета Китай при желании может оказать ощутимое воздействие на рынок американского госдолга, а через него – на экономику США. Массовая распродажа им гособлигаций способна заметно повысить доходность по этим ценным бумагам и, соответственно, стоимость обслуживания государственных обязательств Соединённых Штатов, что нанесло бы болезненный удар по их бюджету. Это порождает спекуляции экспертов [Morrison, Labonte 2013; Neely 2017] и в СМИ⁵ насчёт того, что Китай может использовать инвестиции в казначейские облигации в качестве экономического оружия против

США. Хотя вероятность внезапной продажи американских госбумаг КНР и возможные масштабы негативных последствий этого для Соединённых Штатов большинством экспертов оцениваются как незначительные, сам факт того, что крупные вложения в американский госдолг дают Пекину определённый финансовый рычаг давления на страну-заемщика, не вызывает сомнений.

Более существенное, чем операции с резервами, значение для становления финансовой власти Китая имеют ПИИ и займы, включая межгосударственные ссуды и экспортные кредиты, которые он направляет за рубеж в рамках реализации стратегии расширения глобального экономического присутствия «идти вовне», заявленной властями страны ещё в конце 1990-х годов [Лучко 2017: 47; Мозиас 2015: 27]. Объём таких капиталовложений неуклонно растёт. Например, размер накопленных за границей прямых китайских

³ Balance of Payments and International Investment Position Statistics. The International Monetary Fund. URL: <http://data.imf.org/?sk=7A51304B-6426-40C0-83DD-CA473CA1FD52&slid=1542633711584> (дата обращения: 25.05.2019).

⁴ Major Foreign Holders of Treasury Securities. US Treasury. URL: <http://ticdata.treasury.gov/Publish/mfh.txt> (дата обращения: 25.05.2019).

⁵ См., например: *Borzykovski B. China's \$1.2 trillion weapon that could be used in a trade war with the US*. CNBC, 5 April 2018. URL: <https://www.cnbc.com/2018/04/05/chinas-1-point-2-trillion-weapon-that-could-be-used-in-a-us-trade-war.html> (дата обращения: 13.05.2019).

инвестиций в 2009–2018 годах увеличился почти в 8 раз и достиг 1,9 трлн долларов⁶. География капиталовложений весьма диверсифицирована, охватывая как развитые, так и многочисленные развивающиеся страны (табл. 1). Велики и объёмы кредитов, предоставляемых зарубежным контрагентам через китайские банки развития: портфель иностранных займов Эксимбанка Китая в 2018 г. оценивался в 200 млрд долларов⁷.

Главными стимулами экспорта инвестиций из Китая выступает завоевание новых рынков сбыта, получение доступа к сырьевым ресурсам и дешёвой рабочей силе, преодоление торговых барьеров [Лучко 2017: 47–48]. Наряду с этим зарубежные капиталовложения способствуют усилению экономической зависимости государств-реципиентов от КНР и тем самым расширению возможностей китайского воздействия на них. Уровень зависимости при этом сильно варьирует для различных групп стран. Он минимален для развитых экономик и более высок для беднейших развивающихся государств, для которых китайские инвестиции являются одним из немногих доступных источников внешне-го финансирования. При этом исследователи обращают внимание на то, что КНР зачастую сознательно использует финансовое содействие другим странам, направляемое через официальные и полуофициальные каналы, для укрепления своего влияния на них (см., например: [Соррет 2015; O'Neill 2018]).

Накопление богатства Китая способствует укреплению других ресурсов его формирующей финансовой власти, в том числе внешнеполитического влияния и военной силы. По мере усиления национальной мощи кардинально трансформируется политика КНР на мировой арене. Пекин начинает вести себя как великая

держава: расширяются его национальные интересы, возрастает вовлечённость в международные дела, укрепляется решительность в отстаивании своей позиции в глобальных и региональных вопросах [Лексютина 2014]. Усиление веса Китая в мировой политике способствует укреплению его позиций в международных финансах, в частности создавая благоприятные условия для наращивания китайских инвестиций за рубежом, а также стимулируя процессы интернационализации юаня и внешней экспансии банков КНР. Тем самым более агрессивный и напористый характер международной политики Пекина формирует предпосылки для становления финансовой власти страны.

Отражением происходящих изменений внешней доктрины КНР стало выдвигание правительством ряда глобальных экономических проектов, в частности инициативы «Пояса и пути», которая нацелена на развитие инфраструктуры, соединяющей Азию, Европу и Африку. Её реализация будет сопровождаться углублением торгово-инвестиционных связей Китая с участвующими странами, тем самым сильнее привязывая их к Пекину и расширяя возможности для продвижения в них китайских интересов, в том числе в финансовой сфере. Например, речь может идти об увеличении использования юаня в двусторонних расчётах или об открытии в этих странах подразделений банков КНР, способных в дальнейшем выступать в качестве проводников китайского влияния.

В контексте изучения финансовой власти Китая особого внимания заслуживают вопросы развития его национальной финансовой системы. К настоящему моменту в экономической науке фактически сложился консенсус о том, что наличие у страны ёмкого, диверсифицированного и открытого финансового рынка, обеспечива-

⁶ Balance of Payments and International Investment Position Statistics. The International Monetary Fund. URL: <http://data.imf.org/?sk=7A51304B-6426-40C0-83DD-CA473CA1FD52&slid=1542633711584> (дата обращения: 25.05.2019).

⁷ Annual Report 2017. Export–Import Bank of China. URL: http://english.eximbank.gov.cn/tm/en-AR/index_634_31153.html (дата обращения: 26.05.2019).

Таблица 2

Ёмкость отдельных сегментов финансового рынка США, еврозоны, Китая и Японии в 2018 году, трлн долларов

Показатель	США	Еврозона	Китай	Япония
Активы банковского сектора	17,9	38,6*	38,2	10,1
Капитализация рынка акций	32,4	6,5**	6,3	5,3
Объём рынка долговых ценных бумаг***	40,7	19,7	12,4	12,6
Всего	91,0	64,8	56,9	28,0

* Данные Европейского центрального банка для монетарных институтов еврозоны.

** Рассчитано как сумма показателей капитализации рынков акций стран еврозоны.

*** Данные за 3 квартал 2018 года.

Источники: национальные органы банковского регулирования; *European Central Bank*. URL: <http://sdw.ecb.europa.eu/reports.do?node=10000028/> (дата обращения 20.05.2019); *World Federation of Exchanges*. URL: <https://www.world-exchanges.org/our-work/statistics> (дата обращения 20.05.2019); *Bank for International Settlement*. URL: <https://www.bis.org/statistics/secstats.htm?m=6%7C33%7C615> (дата обращения 20.05.2019).

ющего широкие возможности международным инвесторам по размещению и привлечению капитала, выступает необходимой предпосылкой интернационализации национальной валюты, увеличения притока иностранных инвестиций и повышения эффективности зарубежных капиталовложений резидентов. Таким образом, достижение высокого уровня развития внутреннего рынка становится ключевым фактором улучшения позиций страны в МФС и формирования её финансовой власти. Об этом свидетельствует пример США, обладающих наиболее развитым в мире фондовым рынком, который позволяет им успешнее остальных государств выполнять роль глобального финансового центра — хранилища мировых сбережений [Портной 2017]. Этот фактор способствует сохранению центрального положения США в МФС на протяжении многих лет.

Китай к настоящему моменту добился существенного прогресса в построении ёмкого национального финансового рынка. По совокупному объёму банковских активов, рынка акций и облигаций, оцениваемому в 2018 г. примерно в 57 трлн долларов, он уступал лишь США (табл. 2). При этом обращает на себя высокая динамика роста китайского рынка, позволившая ему по масштабам почти догнать еврозону и сократить отставание от Соединённых Штатов. В частности, в 2011–2018 годах капитализация рынка акций КНР увеличилась в 1,9 раза, размер рынка долговых ценных

бумаг — в 3,6 раза, в то время как у США эти показатели выросли соответственно в 1,8 и 1,2 раза.

Несмотря на крупный, быстрорастущий финансовый рынок, Китай пока не может всерьёз конкурировать с США за роль глобального финансового центра, способного концентрировать на себе существенную часть международных капитальных потоков. Китайский рынок сохраняет ряд специфических черт, ограничивающих возможности работы на нём иностранных инвесторов, особенно портфельных, и затрудняющих его интеграцию в мировой рынок. Главная из них — частичная закрытость для нерезидентов. КНР постепенно и крайне осмотрительно проводит либерализацию рынка, ставя во главу угла поддержание его стабильности, а не интернационализацию [Селищев 2016]. С этой целью власти регулируют приток иностранного капитала, ограничивая возможности нерезидентов по вложению средств в китайские акции и облигации несколькими разрешёнными каналами. В частности, к ним относятся механизм *Stock Connect*, обеспечивающий международным участникам фондовой биржи Гонконга доступ к торговле на биржах Шанхая и Шэньчжэня, а также механизмы *QFII* (Qualified Foreign Institutional Investor) и *RQFII* (Renminbi Qualified Foreign Institutional Investor), позволяющие квалифицированным иностранным институциональным инвесторам приобретать ценные бумаги на рынке Китая за доллары

и юани в пределах установленных государством квот⁸.

Кроме того, до недавних пор в Китае действовали жёсткие нормы, регулировавшие деятельность финансовых институтов с иностранным участием в капитале. Только в 2018 г. власти заметно смягчили эти правила, упростив доступ иностранных инвесторов на свой рынок. В частности, была полностью отменена квота на участие нерезидентов в капитале китайских банков и управляющих компаний, а также сняты многие ограничения на деятельность банков с иностранным капиталом. Для некоторых других финансовых институтов, в том числе компаний по страхованию жизни и фондовых брокеров, допустимая доля участия зарубежных инвесторов в капитале была повышена с 49 до 51% с перспективой полной отмены лимита к 2021 году⁹.

Как показывает опыт США, финансовая власть страны, основанная на экономической и военно-политической мощи, дополнительно может поддерживаться рядом вторичных факторов, главным образом финансового характера, способствующих росту влияния этой страны в МФС. Например, в случае Соединённых Штатов её укрепляют такие факторы, как доминирование доллара на мировой арене, лидерство американских финансовых институтов на международных рынках, сильные позиции страны в сфере информационного обеспечения финансового бизнеса, а также в системе международных финансовых организаций (МВФ, МБРР и другие), формирующих современную международную

финансовую архитектуру [Петров 2018]. Будучи производными от первичных оснований власти, со временем эти факторы приобрели самостоятельное, причём весьма существенное значение для обеспечения лидерства США в МФС. Китай подобными вторичными атрибутами финансовой власти в настоящее время не располагает. Юань, несмотря на увеличивающийся к нему интерес, находится только в начале пути к обретению статуса мировой валюты. Современные масштабы его использования в международном обороте (доля в мировых официальных резервах с раскрытой структурой в 2018 году – 1,9%¹⁰, в обслуживании международных расчётов в системе *SWIFT* – 2,1%¹¹) явно недостаточны, чтобы он мог служить, как доллар для США, весомым фактором влияния КНР в финансовой сфере. Перспективы интернационализации юаня зависят в первую очередь от достижения им свободной конвертируемости, а также либерализации финансового рынка Китая [Кудряшова 2017; Поливач 2017].

Китайские банки, хотя и входят в число крупнейших в мире по размерам активов, пока не столь заметны на глобальных финансовых рынках, чтобы своими операциями содействовать усилению влияния КНР в МФС. В частности, об этом свидетельствуют рейтинги ведущих операторов различных сегментов глобального финансового рынка, периодически составляемые СМИ и консалтинговыми компаниями. В частности, по данным *Euromoney*, в 2018 г. в топ-50 рейтинга крупнейших дилеров рынка *Forex* не было представлено ни одно-

⁸ В начале 2019 г. общий размер квоты для QFII был удвоен до 300 млрд долларов. См.: State Administration of Foreign Exchange. URL: <https://www.safe.gov.cn/en/2019/0118/1486.html> (дата обращения: 15.05.2019).

⁹ China Further Opens up Financial Sector (IV). Interpreting the CBIRC's Initiative to Expedite the Market Opening-up for the Banking and Insurance Industries. Ernst & Young. 2018. URL: [https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-pov-china-further-opens-up-financial-sector-IV-en/\\$FILE/ey-pov-china-further-opens-up-financial-sector-IV-en.pdf](https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-pov-china-further-opens-up-financial-sector-IV-en/$FILE/ey-pov-china-further-opens-up-financial-sector-IV-en.pdf) (дата обращения: 15.05.2019).

¹⁰ Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves. The International Monetary Fund. URL: <http://data.imf.org/?sk=E6A5F467-C14B-4AA8-9F6D-5A09EC4E62A4> (дата обращения: 15.05.2019).

¹¹ RMB Tracker January 2019. SWIFT. URL: <https://www.swift.com/our-solutions/compliance-and-shared-services/business-intelligence/renminbi/rmb-tracker/document-centre> (дата обращения: 15.05.2019).

го китайского финансового института¹². Аналогичная картина наблюдается и в других ключевых сегментах мирового финансового рынка, в том числе инвестиционно-банковских услуг и услуг по управлению активами, где доминируют финансовые институты развитых стран. Как отмечает С.В. Ноздрёв, китайская банковская индустрия пока находится на стадии интернационализации и ей ещё только предстоит перейти на следующий уровень – глобализации бизнеса [Ноздрёв 2016: 34].

Серьёзной проблемой для Китая являются его слабые позиции в такой принципиально важной сфере, как информационное обеспечение мирового финансового рынка. Здесь вновь господствуют развитые страны, в которых базируются ведущие международные финансовые СМИ, медиакорпорации, аналитические центры, консалтинговые и рейтинговые агентства. Деятельность этих организаций оказывает глубокое воздействие на поведение инвесторов и конъюнктуру рынка. Китай, не обладающий сопоставимыми по уровню влияния на мировую общественность каналами распространения финансовой информации, оказывается весьма уязвимым к возможным информационным атакам со стороны Запада. В частности, как показывает опыт последних лет, эффективным оружием против Китая, способным дестабилизировать его фондовый рынок и вызвать отток капитала, могут быть сведения разной степени достоверности о проблемах развития КНР (например, ожидаемом торможении экономики или проблемах в финансовом секторе), активно распространяемые западными СМИ.

В системе международных финансовых организаций (МФО), сложившейся во второй половине XX века, Китай до недавних пор играл второстепенную роль. По доле голосов в наиболее влиятельных институ-

тах – МВФ и МБРР – он заметно уступал ряду развитых государств со значительно меньшей, чем у КНР, экономикой. В настоящее время ситуация меняется. В результате реформы квот в МВФ, вступившей в силу в 2016 году, Китай стал третьим по числу голосов (6,09% общего количества) членом этой организации после США (16,52%) и Японии (6,15%)¹³. В МБРР он также вышел на третье место по количеству голосов. Возросли интенсивность сотрудничества КНР с бреттон-вудскими институтами и её влияние на их деятельность. Это нашло отражение в решении МВФ о включении юаня в резервную корзину специальных прав заимствования (СДР), принятом в ноябре 2015 года.

Понимая, что МВФ и МБРР в сущности остаются прозападными институтами с сильным влиянием США, Китай в 2010-х годах инициировал процессы создания двух новых МФО – Нового банка развития БРИКС (НБР) и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), в которых он выступает ключевым участником [Wang 2018]. Штаб-квартиры этих институтов, характеризующихся Я.В. Лексютиной как «китаецентричные» [Лексютин 2018б: 34], также находятся в КНР. Масштабы их операций, однако, пока невелики: по данным корпоративной отчетности, на конец 2018 г. активы НБР составляли 10,4 млрд долларов, кредитный портфель – 0,6 млрд, АБИИ – соответственно 19,4 и 1,1 млрд.

2

Экономическая мощь Китая представляет собой основу для укрепления его позиций в МФС и обретения финансовой власти, позволяющей влиять на другие страны через систему финансовых взаимосвязей с ними. В последние годы КНР активизировала работу по выстраиванию подобных взаимосвязей. В частности,

¹² Euromoney. FX Survey 2018: Overall results. URL: <https://www.euromoney.com/article/b18bzd2g51lqkn/fx-survey-2018-overall-results> (дата обращения: 16.05.2019).

¹³ The International Monetary Fund. URL: <https://www.imf.org/external/np/sec/memdir/members.aspx> (дата обращения: 20.05.2019).

финансовые рычаги воздействия на зарубежных контрагентов формируются в результате масштабных внешних капиталовложений Китая, получатели которых (особенно развивающиеся страны) нередко оказываются в некоторой зависимости от государства-инвестора.

Приоритетное значение в контексте развития финансовой власти Китая исследователи придают его проектам по созданию независимых от западных стран китаецентричных МФО, которые впоследствии могут стать действенными механизмами международного влияния КНР. По мнению М. Диана, инициирование подобных проектов свидетельствует о возрастании структурной финансовой власти Китая (structural financial power) [Dian 2016]. Под ней в международной политике понимается способность государства формировать в соответствии со своими интересами структуру международных отношений в какой-либо сфере, включая финансовую, и получать от этого преференции [Strange 1988: 24–25]. Данный тип власти, а также «власть в отношениях» (relational power), проявляющаяся в способности воздействовать на другие страны путём прямого давления на них, рассматриваются С. Стрейндж, Б. Коэном [Cohen 2015] и другими исследователями как два главных вида финансовой власти. Можно предположить, что Китай в настоящее время располагает, пусть и в ограниченном масштабе, обоими указанными видами власти. Однако если об использовании им практики прямого финансового нажима на другие государства в условиях непрозрачности китайской внешней политики можно лишь строить предположения, то учреждение НБР и АБИИ служит зримым подтверждением обретения Китаем структурной власти в мировых финансах, позволяющей ему постепенно трансформировать глобальный порядок управления в этой сфере.

Укрепление влияния Китая в МФС могло бы происходить существенно быстрее, однако оно сдерживается осторожной политикой руководства страны по её инте-

грации в мировые финансы [Vermeiren, Otero-Iglesias 2015]. Это находит отражение во многих аспектах, в том числе в сохраняющейся частичной закрытости китайского финансового рынка для нерезидентов, валютных ограничениях, тормозящих интернационализацию юаня, а также сдержанных темпах международной экспансии крупнейших китайских госбанков. Власти КНР, выбирая между курсом на активную интеграцию в МФС, реализация которого потребовала бы либерализации движения капитала, открытия финансового рынка и введения конвертируемости юаня, и политикой на постепенное, осматрительное вхождение страны в МФС, до недавних пор отдавали предпочтение второму варианту, поскольку он оставял государству больше возможностей для обеспечения валютной и финансовой стабильности, необходимой для обеспечения устойчивого экономического роста. Что же касается либерального курса, то, как показывает пример России, его осуществление могло бы сделать финансовую систему КНР существенно более уязвимой к внешним шокам.

Стратегия медленной, осторожной интеграции Китая в МФС долгое время приносила свои плоды, позволяя монетарным властям поддерживать относительную устойчивость национального финансового рынка (исключение составлял рынок акций, капитализация которого в 2000–2018 годах несколько раз резко снижалась), а также сохранять управляемость валютным курсом юаня, колеблющимся с 2008 г. в узком коридоре 6–7 CNY/USD. Подобная стабильность валютно-финансовых условий создавала благоприятные предпосылки для подъёма экономики и наращивания экспорта.

Тем не менее в середине текущего десятилетия в политике китайских властей наметились существенные сдвиги. В официальных документах и заявлениях руководителей КНР стало настойчивее декларироваться намерение усилить позиции страны в мировых финансах за счёт продвижения юаня за рубежом, либерализации и повы-

шения открытости финансового сектора Китая, ускорения внешней экспансии китайских банков. Это, в частности, подчёркивается в многочисленных выступлениях председателя КНР Си Цзиньпина, а также в Тринадцатом пятилетнем плане социально-экономического развития КНР на 2016–2020 годы, принятом Всекитайским собранием народных представителей¹⁴. Серьёзность планов подтверждается практическими действиями, в том числе принятием в 2018 году комплекса мер, заметно облегчивших доступ нерезидентов к финансовому рынку Китая. Наряду с этим в последние годы власти КНР реализовали целый ряд шагов, нацеленных на частичную либерализацию трансграничного движения капитала и увеличение использования юаня в международном обороте¹⁵.

Трансформация китайской политики в финансовой сфере может быть обусловлена несколькими причинами. *Во-первых*, общим изменением внешней доктрины страны, которая всё активнее позиционирует себя как новая сверхдержава, готовая занять лидерскую роль в мировой экономике [Лексютина 2018б: 37]. Претендовать на такой статус, однако, не располагая весомым влиянием в такой ключевой сфере глобального хозяйства, как финансы, затруднительно. В этой связи претензии на экономическое лидерство должны быть подкреплены реальными усилиями по обеспечению китайских интересов в МФС.

Во-вторых, традиционная китайская политика постепенной интеграции в мировые финансы, основанная на использовании различных ограничений с целью обеспечения финансовой стабильности, в современных условиях утрачивает свою эффективность. Несмотря на сдерживающие меры, финансовая система КНР в ре-

зультате быстрого увеличения внешних финансовых активов и обязательств страны оказывается всё теснее увязанной с МФС; соответственно, повышается её зависимость от глобальной конъюнктуры. С учётом огромных масштабов китайского финансового рынка, его почти невозможным успешно защитить регулятивным «зонтиком» от негативных внешних воздействий. Это убедительно показали события 2015–2016 годов, в ходе которых развивающиеся рынки пережили массивный отток капитала, вызванный ростом опасений международных инвесторов относительно перспектив экономики КНР, снижением нефтяных цен, а также началом цикла повышения учётной ставки Федеральной резервной системы США, повлёкшим за собой увеличение доходности вложений в американские активы. Китай сильно пострадал: чистый вывоз капитала из страны достиг за два года около 1,3 трлн долларов¹⁶, а капитализация рынка акций за период с июня 2015 по январь 2016 г. упала почти в два раза. Для стабилизации ситуации национальным властям пришлось использовать порядка 0,8 трлн долларов официальных резервов, а также ввести дополнительные валютные ограничения, направленные на уменьшение оттока инвестиций. В целом кризисные события 2015–2016 годов продемонстрировали необходимость новых подходов к поддержке финансовой стабильности Китая, основанных на усилении его позиций в МФС и расширении за счёт этого возможностей влияния на международное движение капитала и конъюнктуру мирового финансового рынка.

В-третьих, в условиях усиления конфронтации и торговых войн с США КНР острее, чем раньше, нуждается в повыше-

¹⁴ The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the People's Republic of China 2016–2020. URL: <http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201612/P020161207645765233498.pdf> (дата обращения: 19.05.2019).

¹⁵ Краткий обзор мер в этой области представлен в ежегодных публикациях МВФ «Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions». URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Annual-Report-on-Exchange-Arrangements-and-Exchange-Restrictions> (дата обращения: 19.05.2019).

¹⁶ Balance of Payments and International Investment Position Statistics. The International Monetary Fund. URL: <http://data.imf.org/regular.aspx?key=62805742> (дата обращения: 25.05.2019).

нии международного статуса юаня и превращении его в полноценную мировую валюту, широко используемую для обслуживания внешнеэкономических связей самого Китая и других государств. Это помогло бы ему уменьшить зависимость от доллара и снизить связанные с этим финансовые и, что существенно, политические риски, обусловленные возможностью давления на КНР со стороны США при помощи валютных механизмов. Объективная необходимость этого может подталкивать руководство страны к более быстрому введению полной конвертируемости национальной валюты.

Наконец, *в-четвёртых*, пересмотру подходов к участию КНР в МФС могут способствовать соображения долгосрочного характера, связанные с возможностью формирования в стране в более отдалённой перспективе отрицательного сальдо текущего счёта платёжного баланса. О том, что подобное развитие событий вполне вероятно, говорит заметное снижение размера сальдо в последние годы. В 2018 г. оно составило всего 49 млрд долларов, сократившись по сравнению с 2008 г. почти в девять раз. Не исключено, что Китай, население которого богатеет и всё больше потребляет продукцию и услуги, производимые внешним миром, со временем повторит путь США, экономика которых с 1982 г. функционирует с хроническим дефицитом текущего счёта. Обладание финансовой властью позволяет Соединённым Штатам уже в течение нескольких десятилетий покрывать этот дефицит за счёт масштабного импорта капитала [Cohen 2015]. Нельзя исключать, что власти КНР, обладающие стратегическим мышлением, прогнозируя возникновение в будущем аналогичной ситуации, приняли решение заранее готовиться к ней, переходя к тактике более агрессивного наращивания китайского влияния в мировых финансах.

Есть основания предполагать, что в силу указанных соображений Китай сегодня в большей степени, чем раньше, заинтересован в усилении позиций в мировых финансах. Это, однако, не означает, что в пред-

стоящие годы он будет последовательно идти по пути выполнения ключевых условий, необходимых для наращивания своего присутствия в МФС: открытия финансового рынка для иностранных инвесторов, отмены валютных ограничений и превращения юаня в свободную конвертируемую валюту. Как показывает опыт интернационализации юаня, переживавшей периоды ускорения и замедления, китайская политика носит гибкий и адаптивный к складывающейся конъюнктуре характер. При сохранении благоприятной ситуации в экономике от властей КНР следует ожидать более активной поддержки интеграционных процессов; однако в случае возникновения затруднений, вызванных внутренними проблемами или внешними шоками, их динамика вполне может быть заторможена или даже обращена вспять в соответствии с актуальными интересами страны.

Перспективы возвышения Китая в мировых финансах во многом будут определяться действиями США, которые в последнее время серьёзно пересмотрели свою политику по отношению к Китаю, взяв курс на его сдерживание [Лукин 2019: 83]. Благодаря центральному положению в глобальной финансовой системе США располагают множеством возможностей, чтобы при желании воспрепятствовать росту силы и влияния в ней КНР. С этой целью может быть задействован широкий арсенал методов, включая организацию спекулятивных атак на фондовый и валютный рынки Китая, прямой нажим на его контрагентов, введение ограничений в отношении китайских инвестиций и финансовых институтов, а также распространение через ведущие мировые СМИ, консалтинговые и рейтинговые агентства негативной информации об экономике и финансовом секторе КНР. Подобные действия способны повысить турбулентность на финансовом рынке Китая и ослабить его позиции в мировых финансах.

* * *

Одним из условий утверждения Китая в статусе сверхдержавы выступает усиле-

ние его власти и влияния в глобальной финансовой системе. Становлению финансовой власти КНР способствует значительный финансово-экономический потенциал страны, благодаря которому она имеет возможность осуществлять крупные зарубежные капиталовложения, а также играть ведущую роль в создании новых элементов международной валютно-финансовой архитектуры – многонациональных банков развития НБР и АБИИ. За счёт этого Китай постепенно формирует каналы и механизмы влияния в данной сфере. Однако эти усилия пока заметно не сказываются на существующей расстановке сил в МФС и скорее обеспечивают Китаю задел на будущее.

Превращение КНР в один из мощных полюсов силы в мировых финансах требует резкого ускорения процессов интернационализации юаня, вхождения крупнейших национальных финансовых институтов в число лидеров глобальной финансовой индустрии и, самое главное, превращения Китая в глобальный финансовый центр, привлекательный для международных инвесторов и способный, подобно США, выполнять функции хранилища для мировых сбережений. Решение этих задач, в свою очередь, практически невозможно без ли-

берализации финансовой и валютной политики КНР, отмены ограничений на движение капитала, повышения открытости и прозрачности китайского фондового рынка. В настоящее время власти Китая декларируют готовность идти по этому пути, подтверждая её рядом практических мер. Вместе с тем оборотной стороной валютной и финансовой либерализации может стать повышение уязвимости страны к внешним шокам, в том числе вызванным целенаправленными действиями США. При возникновении реальных угроз китайские власти способны притормозить процессы интеграции КНР в мировые финансы, вернувшись на время к прежней тактике использования запретов и ограничений.

Становление Китая в качестве нового субъекта финансовой власти может сопровождаться обострением борьбы с США за лидерство в области мировых финансов. Противостояние двух супердержав в валютно-финансовой сфере в перспективе способно стать для глобального хозяйства серьёзным дестабилизирующим фактором. Данное обстоятельство должно учитываться всеми участниками международных отношений при выстраивании собственных стратегий.

Список литературы

- Кудряшова И.В. Китайский юань как мировая валюта: императивы и реальность // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 9. С. 36–44.
- Лексютина Я.В. Новое содержание внешней политики Китая как отражение усиления его национальной мощи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2014. Вып. 2. С. 138–145.
- Лексютина Я.В. Китай как ответственная великая держава // Международные процессы. 2018а. Т. 16. № 2 (53). С. 60–72.
- Лексютина Я.В. Китай и реформирование международной экономической системы // Сравнительная политика. 2018б. № 3. С. 26–41.
- Лукин А.В. Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 71–89.
- Лучко М.Л. Китайские ТНК на мировом инвестиционном поле // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 9. С. 45–53.
- Мозиас П.М. «Новая нормальность» китайской экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 12. С. 15–29.
- Мастандуно М. «Китай вряд ли будет ответственным игроком в американоцентричной системе. . . » // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 3 (54). С. 149–156.
- Ноздрёв С.В. Китай в системе мировых финансов // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 10. С. 29–40.
- Олейнов А.Г. Международная политэкономия: предмет и метод // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 2. С. 55–65.

- Петров М.В.* Мировая финансовая система: долгий путь к многополярности // Финансовый журнал. 2018. № 2 (42). С. 47–58.
- Петров М.В., Качёв В.Н., Онучук В.А.* Финансовая власть США: источники, механизмы, пределы // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 6. С. 49–57.
- Пилипосян А.А., Качёв В.Н.* Особенности и закономерности развития финансового сектора стран с «формирующимися» рынками // Инновации и инвестиции. 2019. № 2. С. 85–89.
- Поливач А.П.* Годовщина включения юаня в корзину СДР: первые результаты // Деньги и кредит. 2017. № 12. С. 113–116.
- Портной М.А.* Деньги в национальном и мировом хозяйстве. М.: Магистр, 2017. 496 с.
- Селищев А.С., Селищев Н.А., Селищев А.А.* Финансовые рынки и институты Китая. М.: ИНФРА-М, 2016. 258 с.
- Andrews D.* Monetary Power and Monetary Statecraft // International Monetary Power / ed. by D. Andrews. Ithaca: Cornell University Press, 2006. P. 7–30.
- Chin G.* China's rising monetary power // The Great Wall of Money: Power and Politics in China's International Monetary Relations / ed. by E. Helleiner, J. Kirshner. Ithaca: Cornell University Press, 2014. P. 184–212.
- Cohen B.* The Macrofoundations of Monetary Power // International Monetary Power / ed. by D. Andrews. Ithaca: Cornell University Press, 2006. P. 31–50.
- Cohen B.* The China Question: Can Its Rise Be Accommodated? // The Great Wall of Money: Power and Politics in China's International Monetary Relations / ed. by E. Helleiner, J. Kirshner. Ithaca: Cornell University Press, 2014. P. 23–44.
- Cohen B.* Currency Power: Understanding Monetary Rivalry. Princeton: Princeton University Press, 2015. 304 p.
- Copper J.* China's Foreign Aid and Investment: Diplomacy. Volume I: Nature, Scope, and Origins. New York: Palgrave Macmillan, 2015. 283 p.
- Dian M.* Does China have Structural Power? Rethinking Chinese Power and its Consequences for the International Order // The Journal of Northeast Asian History. 2016. Vol. 13. No. 2. P. 121–157.
- Foot R., Walter A.* China, the United States, and the global order. Cambridge: Cambridge University Press. 2010. 354 p.
- Heep S.* China in Global Finance. Domestic Financial Repression and International Financial Power. Switzerland: Springer International Publishing, 2014. 174 p.
- Helleiner E.* Below the State: Micro-Level Monetary Power // International Monetary Power / ed. by D. Andrews. Ithaca: Cornell University Press, 2006. P. 72–90.
- Helleiner E.* The Status Quo Crisis: Global Financial Governance after the 2008 Meltdown. New York: Oxford University Press, 2014. 256 p.
- Helleiner E., Kirshner J.* The Politics of China's International Monetary Relations // The Great Wall of Money: Power and Politics in China's International Monetary Relations / ed. by E. Helleiner, J. Kirshner. Ithaca: Cornell University Press, 2014. P. 1–22.
- Kirshner J.* Currency and Coercion: The Political Economy of International Monetary Power. Princeton: Princeton University Press, 1995. 289 p.
- Morrison W., Labonte M.* China's Holdings of U.S. Securities: Implications for the U.S. Economy. Congressional Research Service. 2013. 22 p.
- Neely C.* Chinese Foreign Exchange Reserves, Policy Choices and the U.S. Economy. Federal Reserve Bank of St. Louis. Working Paper 2017-001A. 2017. 45 p.
- O'Neill D.* Dividing ASEAN and Conquering the South China Sea: China's Financial Power Projection. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2018. 380 p.
- Shambaugh D.* China Goes Global: The Partial Power. Oxford: Oxford University Press, 2013. 432 p.
- Strange S.* States and Markets. London: Pinter Publishers, 1988. 288 p.
- Vermeiren M.* Power and Imbalances in the Global Monetary System: a Comparative Capitalism Perspective. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. 259 p.
- Vermeiren M., Otero-Iglesias M.* China's State-permeated Market Economy and its Constraints to the Internationalization of the Renminbi // International Politics. 2015. Vol. 52. No 6. P. 684–703.
- Wang J.* China-IMF Collaboration: Toward the Leadership in Global Monetary Governance // Chinese Political Science Review. 2018. Vol. 3. No 1. P. 62–80.

CHINA: GAINING FINANCIAL POWER

MAKSIM PETROV
ANNA PILIPOSYAN
VASILY TKACHEV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract

The article examines the formation of China's financial power. Possessing such a type of power, allowing to influence the behavior of other states through a system of financial interrelations with them, is an important factor of China's transformation into a superpower. The basic prerequisites for the formation of China's financial power have already developed: the country has the largest economy in the world and the third largest financial market after the US and the eurozone, wide foreign relations and considerable military power. The huge economic wealth allows China to increase foreign investment, as well as to initiate the establishment of new multinational development banks. Due to this, China is gradually building channels and mechanisms of its influence in the global financial system, although so far it has not taken a leading position. China's emergence as a new pole of power in global finance requires more intense internationalization of the yuan, the transnationalization of Chinese bank business, and the transformation of China into a global financial center able to offer international investors ample opportunities to invest and raise capital, comparable to those provided by the United States. In turn, the achievement of these goals is almost impossible without a large-scale liberalization of international monetary and financial relations of China, including free convertibility of the yuan. Chinese authorities declare their readiness for such reforms, confirming it by the abolition of a number of restrictions. However, the growing openness of the Chinese financial system can increase its vulnerability to adverse external influences, in particular, from the United States, not interested in the rise of China. Given this, the Chinese authorities are likely to liberalize the financial system carefully, slowing it down as soon as threats to internal stability appear. In this regard, the article justifies the assumption that strengthening China's financial power will be a long, uneven and contradictory process, which may be accompanied by crises triggered by the intensification of the struggle with the United States for dominance in the financial sphere and for global leadership in general.

Keywords:

China; financial power; international political economy; world financial system; international capital flows; RMB internationalization; international monetary and financial relations.

References

- Andrews D. (2006). Monetary Power and Monetary Statecraft. In: Andrews D. (ed.) *International Monetary Power*. Ithaca: Cornell University Press. P. 7–30.
- Chin G. (2014). China's Rising Monetary Power. In Helleiner E., Kirshner J. (eds.) *The Great Wall of Money: Power and Politics in China's International Monetary Relations*. Ithaca: Cornell University Press. P. 184–212.
- Cohen B. (2006). The Macrofoundations of Monetary Power. In Andrews D. (ed.) *International Monetary Power*. Ithaca: Cornell University Press. P. 31–50.
- Cohen B. (2014). The China Question: Can Its Rise Be Accommodated? In Helleiner E., Kirshner J. (eds.) *The Great Wall of Money: Power and Politics in China's International Monetary Relations*. Ithaca: Cornell University Press. P. 23–44.
- Cohen B. (2015). *Currency Power: Understanding Monetary Rivalry*. Princeton: Princeton University Press. 304 p.
- Copper J. (2015). *China's Foreign Aid and Investment Diplomacy. Volume I: Nature, Scope, and Origins*. New York: Palgrave Macmillan. 283 p.
- Dian M. (2016). Does China have Structural Power? Rethinking Chinese Power and its Consequences for the International Order. *The Journal of Northeast Asian History*. Vol. 13. No. 2. P. 121–157.
- Foot R., Walter A. (2010). *China, the United States, and the Global Order*. Cambridge: Cambridge University Press. 354 p.

- Heep S. (2014). *China in Global Finance. Domestic Financial Repression and International Financial Power*. Switzerland: Springer International Publishing. 174 p.
- Helleiner E. (2006). Below the State: Micro-Level Monetary Power. In Andrews D. (ed.) *International Monetary Power*. Ithaca: Cornell University Press. P. 72–90.
- Helleiner E. (2014). *The Status Quo Crisis: Global Financial Governance after the 2008 Meltdown*. New York: Oxford University Press. 256 p.
- Helleiner E., Kirshner J. (2014). The Politics of China's International Monetary Relations. In: Helleiner E., Kirshner J. (eds.) *The Great Wall of Money: Power and Politics in China's International Monetary Relations*. Ithaca: Cornell University Press. P. 1–22.
- Kirshner J. (1995). *Currency and Coercion: The Political Economy of International Monetary Power*. Princeton: Princeton University Press. 289 p.
- Kudryashova I. (2017). Kitajskij yuan' kak mirovaya valyuta: imperativy i real'nost' [Chinese Yuan as a World Currency: Imperatives and Realities]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 9. P. 36–44.
- Leksyutina Y. (2014). Novoe sodержanie vneshnej politiki Kitaya kak otrazhenie usileniya ego nacional'noj moshchi [New Content of Chinese Foreign Policy as a Reflection of its Growing National Power]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta*. Ser. 6. No. 2. P. 138–145.
- Leksyutina Y. (2018a). Kitaj kak otvetstvennaya velikaya derzhava [China, Great Power Responsibility, and Global Leadership]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 2 (53). P. 60–72.
- Leksyutina Y. (2018b). Kitaj i reformirovanie mezhdunarodnoi ekonomicheskoi sistemy [China and the Reform of the International Economic System]. *Comparative Politics Russia*. No. 3. P. 26–41.
- Luchko M. (2017). Kitajskie TNK na mirovom investicionnom pole [Chinese Transnational corporation at the World Investment Field]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 9. P. 45–53.
- Lukin A. (2019). Diskussiya o razvitiy Kitaya i perspektivy ego vneshnej politiki [Discussion on the Development of China and Prospects for its Foreign Policy]. *Polis. Political Studies*. No. 1. P. 71–89.
- Mastanduno M. (2018). Kitaj vryad li budet otvetstvennym igrokom v amerikanotsentrichnoy sisteme... [China is not going to be responsible stakeholders in the American-centered system]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 16. No. 3 (54). P. 149–156
- Morrison W., Labonte M. (2013). *China's Holdings of U.S. Securities: Implications for the U.S. Economy*. Congressional Research Service. 22 p.
- Mozias P. (2015). "Novaya normal'nost'" kitajskoj e'konomiki ["New Normal" of China's Economy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 12. P. 15–29.
- Neely C. (2017). *Chinese Foreign Exchange Reserves, Policy Choices and the U.S. Economy*. Federal Reserve Bank of St. Louis. Working Paper 2017-001A. 45 p.
- Nozdrev S. (2016). Kitaj v sisteme mirovyh finansov [China in Global Financial System]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 10. P. 29–40.
- Oleynov A. (2017). Mezhdunarodnaya politekonomiya: Predmet i metod [International Political Economy: Subject, Matter and Method]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 2. P. 55–65.
- O'Neill D. (2018). *Dividing ASEAN and Conquering the South China Sea: China's Financial Power Projection*. Hong Kong: Hong Kong University Press. 380 p.
- Polivach A. (2017). Godovshchina vklucheniya yuana v korzinu SDR: pervye rezul'taty [The Anniversary of the Inclusion of the Yuan into the SDR Basket: The First Results]. *Der'gi i kredit*. No. 12. P. 113–116.
- Petrov M. (2018). Mirovaya finansovaya sistema: dolgij put' k mnogopolyarnosti [The World Financial System: a Long Way to Multipolarity]. *Finansovyy zhurnal*. No. 2 (42). P. 47–58.
- Petrov M., Tkachev V., Onuchak V. (2019). Finansovaya vlast': SShA: istochniki, mehanizmy, predely [US Financial Power: Sources, Mechanisms, Limits]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 6. P. 49–57.
- Piliposyan A.A., Tkachev V.N. (2019). Osobennosti i zakonomernosti razvitiya finansovogo sektora stran s «formiruyushchimi» rynkami [Features and Patterns of Development of the Financial Sector of Emerging Markets Countries]. *Innovatsii i Investitsii*. No. 2. P. 85–89.
- Portnoj M.A. (2017). *Der'gi v nacional'nom i mirovom hozyajstve* [Money in the National and World Economy]. Moscow: Magistr. 496 p.
- Selishchev A.S., Selishchev N.A., Selishchev A.A. (2016). *Finansovye rynki i instituty Kitaya* [Financial Markets and Institutions of China]. Moscow: INFRA-M. 258 p.
- Shambaugh D. (2013). *China Goes Global: The Partial Power*. Oxford: Oxford University Press. 432 p.
- Strange S. (1988). *States and Markets*. London: Pinter Publishers. 288 p.
- Vermeiren M. (2014). *Power and Imbalances in the Global Monetary System: a Comparative Capitalism Perspective*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 259 p.
- Vermeiren M., Otero-Iglesias M. (2015). China's State-permeated Market Economy and its Constraints to the Internationalization of the Renminbi. *International Politics*. Vol. 52. No. 6. P. 684–703.
- Wang J. (2018). China–IMF Collaboration: Toward the Leadership in Global Monetary Governance. *Chinese Political Science Review*. Vol. 3. No. 1. P. 62–80.